

1. Шыбеко, З. Нарыс гісторыі Беларусі 1795–2002 гг. / З. Шыбеко. – Мінск, 2003.
2. Суворов, В Ледокол. Кто начал Вторую мировую войну? / В. Суворов. – М., 1992.
3. Мандрик, И.В. Важнейшие слагаемые Победы советского народа в Великой Отечественной войне / И.В. Мандрик // Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова». – 2012. – Т. 13. – С. 5–16.
4. Соколов, В.В. Открывая новые страницы... Международные вопросы : события и люди / сост. Н.В. Попов. – М. : Политиздат, 1989.
5. Год кризиса. 1938–1939 : док. и материалы. – Т. 2. – М., 1990.
6. Павлов, Я.С. «Болевые точки» истории Беларуси (из научного наследия) / Я. С. Павлов. – Минск, 1997.
7. Риббентроп, И. Между Лондоном и Москвой: Воспоминания и последние записи из его наследия, изданного Аннелиз фон Риббентроп. – М. : Мысль, 1996.
8. История белорусской государственности : 5 т. / редкол.: А.А. Коваленя (гл. ред.) [и др.]. – Т. 4 : Белорусская государственность накануне и в период Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления (1939–1953 гг.) / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории ; отв. ред. Н.Б. Нестерович. – Минск : Беларуская навука, 2019.
9. Стратегия Гитлера – путь к катастрофе, 1933–1945 : исторические очерки, документы и материалы: в 4 т. / Рос. акад. наук, Ин-т междунар. экон. и полит. исслед ; отв. ред. В.И. Дашичев. – Т. 3. – М. : Наука, 2005.
10. Из протокольной записи совещания Гитлера с руководителями фашистского рейха о целях войны против Советского Союза от 16 июля 1941 г. // Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР. (1941–1944 гг.) / сост.: Г.Ф. Заставенко [и др.] ; под общ. ред. Е.А. Болтина и Г.А. Белова. – М. : Экономика, 1985.
11. Приказ Гитлера о гражданском управлении во вновь оккупированных восточных областях от 17 июля 1941 г. // Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР. (1941–1944 гг.) / сост.: Г. Ф. Заставенко [и др.] ; под общ. ред. Е.А. Болтина и Г. А. Белова. – М. : Экономика, 1985.
12. Безымянский, Л. Особая папка «Барбаросса» / Л. Безымянский. – М., 1972.
13. Обрыньба, Н. Судьба ополченца / Н. Обрыньба. – М.: Яуза ; Эксмо, 2005.
14. Советская Белоруссия. – 1988. – 19 октября.

Гребень Е.А.

**ГОРОДСКАЯ И СЕЛЬСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ
ПЕРИОДА ГЕРМАНСКОЙ ОККУПАЦИИ БЕЛАРУСИ 1941–1944 гг.:
ОБЩИЕ И СПЕЦИФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

В условиях германской оккупации Беларуси 1941–1944 гг. и городские и сельские жители существовали в сходных условиях: чужая власть, насилие со стороны немецких силовых структур и коллаборационистов, идеологический прессинг, обязательная трудовая повинность, одинаково тяжелое материальное положение. На фоне общих моментов социально-

экономической жизни, имелись специфические особенности сельской и городской повседневности, увидеть которые позволяют как сохранившиеся документы (распоряжения немецких оккупационных властей различного уровня и дублирующие их распоряжения глав местной вспомогательной, переписка организаций, предприятий и структурных подразделений местной вспомогательной администрации, заявления граждан), так и воспоминания граждан.

Одной из стратегий выживания в условиях оккупации было содержание скота. Наличие у человека крупного и мелкого рогатого скота, свиней, птицы давало возможность лучше обеспечивать себя продуктами питания. Для горожан это была альтернатива скудным нормам продуктов, полагавшимся по карточкам. Поскольку оккупационная администрация стремилась максимально полно учесть количество скота и птицы, находящееся у населения, а также выяснить законность владения ими, для горожан осенью 1941 г. актуальным вопросом стала постановка на учет и доказательство прав собственности на имеющийся скот. В городскую управу подавались заявления о регистрации и приводились аргументы, доказывающие права собственности. В случае если не имелось документов, доказывающих легальное приобретение скота в довоенный период, граждане предоставляли свидетельства соседей. Часто соседи выступали поручителями друг для друга [10, л. 1–9]. Поскольку крестьяне вынуждены были платить в пользу оккупационных властей натуральный налог (мясом, молоком, яйцами), важной задачей для них становилось утаивание реального количества скота и птицы в домашнем хозяйстве, что позволяло минимизировать размер натурального налога [6]. Независимо от места проживания владельцев скота, актуальной проблемой стало введенное немцами ограничение на право убоя скота. В условиях, когда владелец не мог самостоятельно распоряжаться своей собственностью, не рискуя получить штраф, граждане в массовом порядке подавали в органы местной администрации документы, подтверждавшие вынужденный характер убоя, что страховало их от штрафных санкций – акты о болезни животного, подписанные соседями, чиновниками, ветеринарными врачами, из которых следовало, что убой явился вынужденной мерой [6; 11, л. 2, 7, 15–19].

Еще одной стратегией выживания граждан была торговля на рынках. В отличие от материалов районных и городских управ, документы городской администрации иллюстрируют порядок осуществления торговли на рынках [6; 16, л. 24–27]. Альтернативным источником относительно того, как сельские жители были включены в процесс торговли, являются воспоминания очевидцев. Они, как показывает практика, не дают представления о существовавших на рынках ценах и торговых сборах [1]. Данные относительно предпринимательской деятельности в сельской местности крайне фрагментарны, а количество ремесленников, фигурирующих в документах районных администраций, не значительное на фоне городов [6; 12, л. 36]. Можно пред-

положить, что для сельского населения основными стратегиями выживания являлось земледелие и животноводство, тогда как для многих горожан проще всего было выжить благодаря имеющимся навыкам в различных ремеслах или торговле.

Жилищная проблема наиболее остро проявлялась в городах. Летом 1941 г. бомбовые и артиллерийские удары наносились немцами в первую очередь по военным базам, промышленным предприятиям и объектам городской инфраструктуры, в ходе которых разрушалось множество жилых зданий. Жилой фонд деревень страдал гораздо меньше. Соответственно, не смотря на уменьшение численности городского населения (плановая эвакуация сотрудников предприятий, беженство, уничтожение гитлеровцами советских активистов, евреев), дефицит жилья в городах все три года оккупации был очень значительный и порождал многочисленные конфликтные ситуации между горожанами, которые апеллировали к местной администрации или в суд. Горожане жаловались на подселение к ним других людей, выселения их с занимаемой жилплощади, пытались узаконить занимаемое коммунальное жилье как принадлежащее им лично. Распространенной практикой был самовольное заселение в пустующие дома и квартиры, покинутые беженцами или оставшиеся после переселения евреев в гетто [6; 8, л. 2–4; 9, л. 3, 192]. Споры относительно принадлежности жилья в сельской местности возникали реже и, как правило, были инициированы репрессированными советской властью лицами или их родственниками, требовавшими вернуть дома, переданные иным лицам [15, л. 1–9 об.].

В период оккупации сельское и городское население имело разные возможности доступа к лесным ресурсам. Вопреки жёсткой регламентации (требование иметь специальный билет на право рубки деревьев, оплата, штрафы нарушителям) сельское население имело несоизмеримо большие возможности для заготовки дров. Горожане в силу отсутствия личного транспорта и ограниченных возможностей передвижения вне города целиком и полностью зависели от снабжения топливом от городской администрации, которая не могла удовлетворить запросы населения. В приоритетном порядке очередь удовлетворялись нужды промышленных предприятий, электростанций, немецких объектов. Поэтому холод и дефицит горячей воды стали реалиями городской повседневности. Не эффективная работа коммунальных служб (дефицит транспортных средств и сотрудников) имела следствием загрязнение городской территории. Проблема утилизации отходов человеческой жизнедеятельности, антисанитарные условия жизни, невозможность соблюдения правил гигиены приводили к росту эпидемических заболеваний [6]. Сельское население, имевшее большие возможности для заготовки дров и помывки, страдало от дефицита моющих средств. Последнее обстоятельство вынуждало людей использовать альтернативные способы, такие как стирка одежды золой [2].

Медицина в условиях оккупации была платная, имел место дефицит сотрудников медучреждений и медикаментов [6; 21, л. 108]. Тем не менее, горожанам было несоизмеримо легче получить хотя бы минимальную медицинскую помощь в случае острой необходимости в силу концентрации медучреждений именно в городах. К тому же работающие граждане, согласно распоряжениям немецких властей, имели право на получение бесплатного лечения и выплату пособия на период нетрудоспособности. Для сельских жителей получение медицинской помощи, особенно в случае экстренной необходимости, было проблематично из-за удаленности медучреждений от подавляющего большинства деревень (даже при наличии транспорта поездка могла занимать продолжительное время), ограничений на перемещение (посты немцев и полицейских на дорогах могли не пропускать граждан, не имевших разрешения на поездки за пределы волости, а оформить таковое оперативно было не возможно), отсутствия у многих крестьян лошадей. Поэтому суровыми реалиями для сельских жителей в случае болезни было упование на иммунитет или лечение средствами народной медицины [4; 5]. Чаще всего всплеск эпидемических заболеваний происходил во время нахождения сельских жителей в лесных лагерях, в которых приходилось скрываться во время карательных операций немцев. Жизнь в антисанитарных условиях землянках (порой продолжительное время), отсутствие нормального питания приводили к массовому заражению людей тифом и чесоткой [1; 3].

Катастрофические условия существования вынуждали множество граждан регулярно обращаться в органы местной вспомогательной администрации за помощью. Содержание подаваемых заявлений было обусловлено приоритетами повседневной жизни городского и сельского населения. Горожане были заинтересованы в снижении или освобождении от квартплаты и коммунальных платежей, уменьшений налогов с предпринимателей, ходатайства о выдаче продуктов питания или оказании им материальной помощи деньгами [6; 7, л. 79, 79 об., 85]. Крестьяне ходатайствовали о снижении объема натуральных налогов по причине неурожая, боевых действий, природных катаклизмов, реквизиций немцев, полицейских или партизан; апеллировали с просьбами об освобождении от исполнения обязательной трудовой повинности или мобилизации на работу в Германию [6; 18, л. 2; 14, л. 201].

Преступность имела место как в городах, так и в сельской местности, но в значительно больших масштабах фигурирует именно в документах городской администрации. Очевидно, это объясняется не сохранностью документов, касающихся преступности, в фондах районной администрации, а более напряжённой ситуацией в плане снабжения продуктами питания и возможности удовлетворения базовых потребностей для городского населения. Документы районной полиции и управ фиксируют в основном конфликты на бытовой почве и самогоноварение [6; 19]. В городах спектр

правонарушений был гораздо шире. Среди противоправных действий преобладали кражи продуктов питания, одежды, предметов обихода, пьянство, азартные игры, спекуляция [6; 20, л. 13]. Во-первых, в городах имела место высокая концентрация людей на ограниченной площади, тогда как в сельской местности люди жили более рассредоточено. Во-вторых, в городах сложилась критическая ситуация в плане снабжения граждан продуктами питания, несмотря на реквизиции немцев, полиции и высокие натуральные налоги, крестьяне, как правило, были обеспечены продуктами лучше, чем горожане, вынужденные идти на преступление. В-третьих, можно предположить, что крестьянская среда, даже несмотря на модернизационные процессы, к середине XX века оставалась более консервативной, традиционной, и присвоение чужого не рассматривалось как стратегия выживания.

Помимо жалоб на имя глав местной вспомогательной администрации, способом решения конфликтных ситуаций было обращение в суд. В действовавшие с осени 1941 г. и до конца оккупации мировые суды (волостные, городские, районные и окружные) одинаково активно обращались и горожане, и сельские жители. В случае, когда определенная проблема в отношениях между гражданами или гражданами и местной администрацией не решалась, мировой суд являлся доступной инстанцией, в которой человек мог отстаивать свои интересы. Вне зависимости от места жительства, граждане обращались в суды с типичными исками: требования на выплату алиментов, споры между родственниками или соседями о принадлежности различного имущества, конфликты на бытовой почве и т.д. [13, л. 3; 17, л. 1–92 об.].

Таким образом, сохранившийся в белорусских архивах значительный массив документов германской оккупационной и местной вспомогательной администрации, а также воспоминания очевидцев позволяют всесторонне реконструировать картину повседневности, показать основные стратегии выживания, выявить общие моменты и отличия в повседневной жизни городского и сельского населения Беларуси в условиях германской оккупации 1941–1944 гг.

1. Воспоминания Богдановича Владимира Романовича, 1928 г.р. Записано 10.07.2009 г. Гребенем Е.А. в д. Велевщина Лепельского района. Аудиозапись 46 минут на русском языке хранится в личном архиве автора.
2. Воспоминания Грибова Владимира Никифоровича, 1931 г.р. Записано Гребенем Е.А. 20.06.2009 г. в г. Барань Оршанского района. Аудиозапись 1 час 34 минуты на русском языке хранится в личном архиве автора.
3. Воспоминания Зыковой Александры Герасимовны, 1934 г.р., Записано 9.09.2014 г. Гребенем Е.А. в г/п Освея Верхнедвинского района. Аудиозапись 58 минут на русском языке хранится в личном архиве автора.

4. Воспоминания Миньковой Александры Филипповны, 1928 г.р. Записано 12.05.2019 г. Гребенем Е.А., Корсак А.И. в д. Павлово Россонского района. Аудиозапись 26 минут на белорусском языке хранится в личном архиве автора.
5. Воспоминания Сандар Галины Евдокимовны, 15.03.1923 г.р. Записано 9.09.2014 г. Гребенем Е.А. в г. Верхнедвинск. Аудиозапись 36 минут на белорусском языке хранится в личном архиве автора.
6. Гребень, Е.А. Гражданское население Беларуси в условиях немецкой оккупации (1941–1944 гг.) : монография / Е.А. Гребень. – Минск : БГАТУ, 2016. – 496 с.
7. Государственный архив Витебской области (далее – ГАВО). – Ф. 2073. Оп. 1. Д. 11.
8. ГАВО. – Ф. 2073. Оп. 1. Д. 72.
9. ГАВО. – Ф. 2073. Оп. 1. Д. 99.
10. ГАВО. – Ф. 2073. Оп. 1. Д. 127.
11. ГАВО. – Ф. 2073. Оп. 2. Д. 17.
12. ГАВО. – Ф. 2073. Оп. 2. Д. 139.
13. ГАВО. – Ф. 2073. Оп. 8. Д. 486.
14. ГАВО. – Ф. 2074. Оп. 2. Д. 51.
15. ГАВО. – Ф. 2091. Оп. 1. Д. 2.
16. ГАВО. – Ф. 2113. Оп. 1. Д. 1.
17. ГАВО. – Ф. 2115. Оп. 1. Д. 1.
18. ГАВО. – Ф. 2135. Оп. 1. Д. 5.
19. ГАВО. – Ф. 2843. Оп. 1. ДД. 1–8, 12–14.
20. Государственный архив Могилевской области (далее – ГАМО). – Ф. 858. Оп. 1. Д. 2.
21. ГАМО. – Ф. 858. Оп. 3. Д. 3.

Генина Ю.А.

ОПЕРАТИВНЫЙ ШТАБ РЕЙХСЛЯЙТЕРА РОЗЕНБЕРГА В НАЦИСТСКОЙ СИСТЕМЕ ГРАБЕЖА КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Проблема утраченных в годы Второй мировой войны культурных ценностей не потеряла своей актуальности и по прошествии 75-ти лет со Дня Победы. Сегодня все чаще звучит мнение о моральной катастрофе немецкого общества, связанной с нахождением в Германии «коричневой добычи» – только по самым скромным подсчетам за годы Второй мировой войны нацистами было украдено 100 000 произведений искусства в Западной Европе и 300 000 в Восточной Европе [6]. Значительная часть награбленного до сих пор находится в Германии и не возвращена законным владельцам, в том числе по причине невозможности установить принадлежность. Разграблением предметов культуры и искусства на оккупированных территориях занимались специально созданные подразделения, одним из которых был Оперативный штаб рейхсляйтера Розенберга (далее – штаб).